

perp.fr/defense/lpm2014.htm.

18. Rapport annexé à la loi №2013–1168 du 18 décembre 2013 relative à la programmation militaire pour les années 2014 à 2019 et portant diverses dispositions concernant la défense et la sécurité nationale, section 2.1.1. “Composante océanique”. – Disponible sur: <http://mjp.univ-perp.fr/defense/lpm2014.htm>.

19. Rapport annexé à la loi №2009–928 du 29 juillet 2009 relative à la programmation militaire pour les années 2009 à 2014 et portant diverses dispositions concernant la défense, section 1.3. “Les cinq grandes fonctions stratégiques”. – Disponible sur: <http://mjp.univ-perp.fr/defense/lpm2009.htm>.

References

1. Tertrais B. The last to disarm? The Future of France’s Nuclear Weapons // *Nonproliferation Review*. – Vol.14, No2. – July 2007. – P.251–273.

2. Yost D.S. France’s New Nuclear Doctrine // *International Affairs*. – Vol.82, Issue 4. – July 2006. – P.701–721.

3. Wodka–Gallien P. Pérennité des forces aériennes stratégiques françaises (Janvier 2014) [Ressource électronique] // *Les Cahiers de la Revue Défense Nationale: Le débat nucléaire (2011–2014)*. – P.125–131. – Disponible sur: http://www.defnat.com/site_fr/boutique/boutique-cn.php.

4. Norris R., Kristensen H. French nuclear forces // *Bulletin of the Atomic Scientists*. – Vol.64, No4. – September/ October 2008. – P.52–54.

5. Cothier P. Peut-on se passer du nucléaire? (Novembre 2013) [Ressource électronique] // *Les Cahiers de la Revue Défense Nationale: Le débat nucléaire (2011–2014)*. – P.112–118. – Disponible sur: http://www.defnat.com/site_fr/boutique/boutique-cn.php.

6. Renouard F. La dissuasion nucléaire française en question? (Septembre 2012) [Ressource électronique] // *Les Cahiers de la Revue Défense Nationale: Le débat nucléaire (2011–2014)*. – P.81–85. – Disponible sur: http://www.defnat.com/site_fr/boutique/boutique-cn.php.

7. Manzhola V.A. Yadernaya politika Frantsii / 60–80-e gody / Avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk: 07.00.03 / Manzhola Vladimir Andreevich. – Kiev: Un–t im. T.Shevchenko, 1993. – 41 s.

8. Terpan F. The Europeanization of the French Defence Policy / F.Terpan [Electronic resource] // *Fourth Pan–European Conference*. – University of Latvia, Riga. – 25–27 September 2008. – 19 p. – Accessible at: <http://www.jhubc.it/ecpr-riga/virtualpaperroom/113.pdf>.

9. Livre Blanc sur la Défense 1994. Rapport officiel. – Paris: La documentation Française, 1994. – 164 p.

10. Lagneu L. Hervé Morin veut supprimer la composante aérienne de la dissuasion pour faire des économies [Ressource électronique] // *Zone militaire*. – Le 10 janvier 2013. – Disponible sur: <http://www.opex360.com/2013/01/10/herve-morin-veut-supprimer-la-composante-aerienne-de-la-dissuasion-pour-faire-des-economies/>.

11. Chirac J. Déclaration sur la politique de défense de la France, notamment la dissuasion nucléaire [Ressource électronique] / Brest, 19 janvier 2006. – Disponible sur: <http://discours.vie-publique.fr/notices/067000234.html>.

12. Sarkozy N. Discours lors de la présentation du sous–marin nucléaire Le Terrible [Ressource électronique] / Cherbourg, 21 mars 2008. – Disponible sur: [http://www.wikimanche.fr/Discours_de_Nicolas_Sarkozy_%C3%A0_Cherbourg_\(2008\)](http://www.wikimanche.fr/Discours_de_Nicolas_Sarkozy_%C3%A0_Cherbourg_(2008)).

13. Rapport annexé à la loi №96–589 du 2 juillet 1996 relative à la programmation militaire pour les années 1997 à 2002, section 1.3.1. “La dissuasion”. – Disponible sur: <http://mjp.univ-perp.fr/defense/lpm1997.htm>.

14. Istoriya frantsuzskoy yadernoy programy [Jelektronnyj resurs] // *Pir–centr*. – Rezhim dostupa: <http://www.pircenter.org/static/istoriya-francuzskoj-yadernoj-programmy>.

15. Loi de programmation №70–1058 du 19 novembre 1970 relative aux équipements militaires de la période 1971–1975, article 1. – Disponible sur: <http://mjp.univ-perp.fr/defense/lpm1971.htm>.

16. Rapport annexé à la loi №2009–928 du 29 juillet 2009 relative à la programmation militaire pour les années 2009 à 2014 et portant diverses dispositions concernant la défense, section 6.1. “La priorité à l’investissement dans les équipements”. – Disponible sur: <http://mjp.univ-perp.fr/defense/lpm2009.htm>.

17. Rapport annexé à la loi №2013–1168 du 18 décembre 2013 relative à la programmation militaire pour les années 2014 à 2019 et portant diverses dispositions concernant la défense et la sécurité nationale, section 5.2. “L’effort au profit de l’équipement sera préservé”. – Disponible sur: <http://mjp.univ-perp.fr/defense>

/lpm2014.htm.

18. Rapport annexé à la loi №2013–1168 du 18 décembre 2013 relative à la programmation militaire pour les années 2014 à 2019 et portant diverses dispositions concernant la défense et la sécurité nationale, section 2.1.1. “Composante océanique”. – Disponible sur: <http://mjp.univ-perp.fr/defense/lpm2014.htm>.

19. Rapport annexé à la loi №2009–928 du 29 juillet 2009 relative à la programmation militaire pour les années 2009 à 2014 et portant diverses dispositions concernant la défense, section 1.3. “Les cinq grandes fonctions stratégiques”. – Disponible sur: <http://mjp.univ-perp.fr/defense/lpm2009.htm>.

Mudrytska K. O., Ph.D. student at the international relations and foreign policy’s department, Taras Shevchenko National University of Kyiv (Ukraine, Kiev), corrine18@mail.ru

Role of the nuclear factor in the foreign policy of France in the post–Cold War period

This paper aims to provide analysis of a role that nuclear factor plays in the French strategy of foreign policy in the post–Cold War world. The paper is written in a rationalist manner with the use of system–oriented analysis and comparative method.

Due to change of international strategic context Paris decides to reduce its nuclear potential and to eliminate land–based ballistic missiles. Certain changes also occurred in its nuclear disarmament policy. However, there were no significant transformations in the conceptual dimension of the French nuclear strategy. The nuclear weapon does not lose its importance for the foreign policy of France and nuclear deterrence remains an essential basis for the global strategy of Paris.

At the same time, conventional forces acquire their own strategic role which is linked with the importance that France attributes to its capacity of force projection (that is participation of French contingents in the operations of crisis management). Furthermore, politicians and experts discuss a possibility of renouement of air–launched nuclear weapons and “Europeanization” of French nuclear deterrent that is why changes will be possible in future.

Keywords: France, nuclear forces, deterrence, strategy, foreign policy, conventional forces, force projection.

Мудрицкая К. А., аспирантка кафедры международных отношений и внешней политики, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко (Украина, Киев), corrine18@mail.ru

Роль ядерного фактора во внешней политике Франции в постбиполярный период

Выяснена роль, которую играет ядерный фактор во внешнеполитической стратегии Франции в постбиполярном мире. Статья написана в рационалистической манере с использованием системного анализа и сравнительного метода.

С изменением международного стратегического контекста Париж решает сократить свой ядерный потенциал и отказаться от сухопутной компоненты ядерных сил, а также вносит определенные изменения в политику ядерного разоружения. Однако в концептуальном измерении ядерной стратегии Франции существенных изменений не произошло. Ядерное оружие не теряет своей значимости для внешней политики Франции, а ядерное сдерживание продолжает быть базисом для глобальной стратегии Парижа.

Вместе с тем, обычные вооружения обретают собственную стратегическую роль, что связано с тем значением, которое придает Франция своей способности к проекции силы в условиях постбиполярного мира (то есть участию французских контингентов в кризисном регулировании). Кроме того, политиками и экспертами обсуждается возможность отказа от воздушной составляющей ядерных сил и “европеизация” французского ядерного сдерживания, поэтому в будущем возможны изменения.

Ключевые слова: Франция, ядерные силы, сдерживание, стратегия, внешняя политика, обычные вооружения, проекция силы.

* * *

УДК 323.1:316.485.6

Шуляк С. В.

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии и социально–политических дисциплин, Академия таможенной службы Украины (Украина, Днепропетровск), shulc1976@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕРЖАВА КАК ИНТЕРВЕНТ: ЭФИОПСКАЯ ВООРУЖЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В СОМАЛИ

Анализируется специфический характер вмешательства региональной державы во внутренний конфликт в “слабом государстве” на примере эфиопской вооруженной интервенции в Сомали в 2006–2009 гг. В качестве теоретико–методологической основы исследования избрана доминирующая в теории международных отношений парадигма политического реализма, доказавшая свою эвристическую ценность и в исследовании внутренних

конфликтов. Эфиопское вторжение было спровоцировано подрывными действиями Эритреи; консолидацией власти в руках радикальных исламистов, имеющих намерения аннексировать населенный сомалийцами регион Эфиопии; объявлением Союзом исламских судов священной войны против Эфиопии; присутствии на территории Сомали эфиопских повстанческих группировок. Последствия эфиопского вмешательства следует признать достаточно сомнительными. С одной стороны, оно привело к военному поражению и распаду Союза исламских судов. Тем не менее, это не привело к дальнейшей нормализации в Сомали. Скорее наоборот, произошла заметная эскалация вооруженного конфликта.

Ключевые слова: региональная держава, Эфиопия, Сомали, вооруженная интервенция, безопасность.

(статья друкється мовою оригіналу)

По признанию многих специалистов, одним из факторов, способствовавших росту этнического насилия (или этнизации политического насилия) после окончания холодной войны, стала такая характеристика “позднего современного мира” как “упадок веберовского государства”. Этот упадок выражается в утрате государствами способности поддерживать порядок путем монополизации легитимного использования насилия на собственной территории и появлении в некоторых регионах так называемых “слабых государств” – организаций, формально признаваемых и узнаваемых в качестве государств, однако не имеющих (или почти не имеющих) эмпирических атрибутов государственности. Такие слабые государства больше подвержены разного рода насилию, включая этническое, и менее способны подавлять насилие, хотя, все также способны совершать его. По версии американского Фонда мира, ежегодно публикующего индекс недееспособных государств, в 2014 г. число государств вызывающих тревогу составило 34 [1, р. 4]. К давно пребывающим и “лидирующим” в этом списке Сомали, Чаду, Судану, Демократической Республике Конго и Центрально-Африканской Республике, в последние годы добавились новые государства, такие как Сирия и Ливия.

Неспособность слабых государств защищать свой суверенитет и контролировать политическую ситуацию на собственной территории порождает опасный вакуум власти не только внутри этих государств, но и в регионе, что угрожает стабильности соседних государств. Это заставляет государства-соседей, так или иначе, втягиваться во внутренние конфликты на территории слабых или уже фактически рухнувших государств. Внутренние конфликты почти никогда не бывают герметически запечатанными. Они воздействуют и вовлекают, тем или иным образом, соседние государства. Причем они выступают не только их невинными жертвами, но и вносят свой вклад в дальнейшую дезинтеграцию раздираемых конфликтами государств и дестабилизацию региона [2, р. 590–591]. Последние события на Ближнем Востоке, Африке, Украине дают нам основания ожидать усиления соответствующей интервенционистской активности, различных субъектов и в различных формах, как средства управления политически дезинтегрированными и нестабильными пространствами.

В последние два десятилетия Сомали – типичное рухнувшее государство, раздираемое межклановыми противоречиями и гражданской войной, стало объектом приложения усилий самых различных акторов мировой политики, как отдельных государств, так и международных организаций. Причем наибольшую

заинтересованность и активность проявляют соседние государства, чья собственная безопасность и стабильность зависит от ситуации в Сомали.

Изучению различных аспектов сомалийского конфликта посвящено огромное множество публикаций, количество которых постоянно растет, так как актуальность проблемы не ослабевает. Тема иностранного вмешательства также не осталась без внимания. Можно указать на некоторые публикации по этой проблематике, а именно работы К.Сабалы [3], А.К. Алло [4], П.Дж. Кваранто [5], Дж.Стьюпарта [6]. В данных работах указывается на весьма неоднозначные роль иностранных акторов в конфликте и последствия их действий, которые зачастую далеки от официально декларируемых целей, что ставит вопрос о реальных мотивах, которыми они руководствуются. В этом смысле изучение проблемы иностранного вмешательства в Сомали является частью более широкой тенденции, наметившейся в последнее время, в частности, в области изучения международных отношений и этнических конфликтов. Речь идет о попытке преодолеть недостаточность теоретического осмысления их взаимосвязи, которая стала очевидной в процессе изучения вспышки этнического насилия в 1990–е гг. Данная тенденция нашла отражение в работах таких авторов как Дж.Пеквин и С.Сайдман [7; 8], П.Риган [9; 10], Д.Кармент, П.Джеймс и З.Тейдас [11], Р.Тарас и Р.Гангули [12], Д.Хосла [13].

Среди государств – потенциальных интервентов можно выделить несколько групп, которые характеризуются определенной спецификой в выборе форм и средств вмешательства, в зависимости от имеющихся в их распоряжении ресурсов и возможностей (как это делает, например, Д.Хосла [13, р. 1147]). В данной статье мы на примере Эфиопии рассматриваем специфику вмешательства региональной державы (то есть государства выступающего в качестве регионального центра силы) во внутренний конфликт в соседнем “слабом государстве” (Сомали) – ее мотивы, формы и последствия.

Учитывая специфику проблемного поля исследования, которое находится на стыке теории международных отношений и этнополитической конфликтологии, в качестве теоретико-методологической основы данного исследования избрана доминирующая в теории международных отношений парадигма политического реализма, доказавшая свою эвристическую ценность и в исследовании внутриполитических, в том числе этнических конфликтов. Такой подход, в частности, предполагает рассмотрение действий участников конфликта с помощью концептов “национальный интерес”, “баланс сил” “дилемма безопасности”.

Согласно утвердившейся в литературе точке зрения, мотивы внешней интервенции во внутренние конфликты принято разделять на аффективные, связанные с идентификацией интервента с одним из участников конфликта, и инструментальные, коренящиеся в *realpolitik*. В случае с Сомали соседние государства склонны руководствоваться именно этими последними, стремясь скорее обеспечить свои стратегические интересы, чем помочь сомалийскому народу. Сомали и его соседи, включая различные

этнические и клановые группы, сталкиваются с многочисленными дилеммами безопасности, которые с годами только усложнялись. Как результат соседи Сомали и в первую очередь Эфиопия, Кения, Уганда всегда заметно присутствовали там, решая проблемы собственной безопасности. Указанные государства поддерживали или наоборот противодействовали различным группам внутри Сомали. Они также давали приют различным группировкам, которые боролись против правительства в Могадишо. Иногда интервенции в Сомали предпринимались ими против собственных оппозиционных группировок укрывавшихся там. Иногда интервенции предпринимались с целью повлиять на динамику конфликта в нужном для соседа русле. М.Браун назвал такого рода интервенции “оппортунистическими”, имея в виду, что государства вмешиваются во внутренние конфликты у соседей, извлекая выгоды из их внутренней слабости и беспорядков [2, р. 598]. Такая внутренняя слабость открывает “окно возможностей” для других государств, которые обычно поддерживают дружественных акторов внутри расколота страны, чтобы использовать их в прокси войнах со своими оппонентами.

Наиболее влиятельным из внешних игроков в сомалийском конфликте, безусловно, является Эфиопия, которая наиболее остро ощущает угрозу своей безопасности.

Вооруженная интервенция Эфиопии в Сомали в 2006–2009 гг. коренится в целой серии территориальных и политических споров, порождавших взаимную враждебность в прошлом: пограничный конфликт 1960–1964 гг., Огаденская война 1977–1978 гг., приграничные столкновения 1982 и 1998–2000 гг.

После падения в 1991 г. режима Сиада Барре и фактического краха центрального правительства в Сомали, эфиопские войска уже предпринимали неоднократные вторжения на его территорию для борьбы с враждебными сомалийскими группировками и собственными сепаратистами, укрывавшимися там. Они имели место в частности в 1996 и 1999 гг. [3, р. 102–103].

Предпринятое в декабре 2006 г. и продолжавшееся до января 2009 г., широкомасштабное вторжение имело целью разгром исламистов из Союза исламских судов (СИС) и спасение терпящего поражение в войне с ними Переходного Федерального Правительства (ПФП) Сомали. Соображения безопасности играли ключевую роль в принятии решения об интервенции, которая была направлена на предотвращение усиления влияния исламистов в Сомали и регионе, и их помощи антиправительственным группировкам в самой Эфиопии (прежде всего сепаратистам, населенного сомалийцами региона Огаден). Это должно было также ослабить позиции главного регионального противника Эфиопии – Эритреи, оказывавшей поддержку и сомалийским исламистам и эфиопским оппозиционерам.

Интервенция, предпринятая по приглашению ПФП, представлялась эфиопским руководством как реализация своего законного права на коллективную и индивидуальную самооборону, предусмотренного ст. 51

Устава ООН [4, р. 140]. Явная угроза территориальной целостности и политической независимости Эфиопии, в его интерпретации, была порождена действием четырех факторов:

- 1) подрывные действия Эритреи;
- 2) консолидация власти в руках радикальных исламистов, имеющих явные намерения аннексировать населенный сомалийцами регион Эфиопии;
- 3) объявление СИС священной войны против Эфиопии;
- 4) присутствие на территории Сомали эфиопских повстанческих группировок действующих совместно с СИС [4, р. 139, 166].

Кроме всего прочего, руководством Эфиопии, возможно, двигало желание поддержать, а точнее спасти ПФП, тогдашний глава которого А.Юсуф имел давние связи с ней, еще со времен его борьбы против режима Барре [3, р. 103].

Хотя представленное обоснование далеко не является безупречным, и действия Эфиопии могут трактоваться как непропорциональное применение силы, они не вызвали серьезного международного противодействия. Страны–члены IGAD – влиятельной региональной организации, за исключением Эритреи, поддержали ее действия.

Кроме официально объявленных руководством Эфиопии мотивов вторжения, корнящихся в сфере национальной безопасности, можно отметить еще некоторые соображения, которые выходят за рамки сугубо оборонительных. Например, соображения экономического характера – Эфиопия не имеет собственного выхода к морю и пользуется несколькими портами, расположенными на территории Сомалиленда (который фактически является непризнанным государством), с руководством которого поддерживает особые отношения. Данный экономический интерес неразрывно связан с указанной выше проблемой обеспечения безопасности. В этом смысле Эфиопия не заинтересована в существовании какого–либо сильного центрального правительства в Сомали, на что явно претендовали исламисты. Вместо этого ей гораздо более удобно иметь дело со слабым и зависимым федеральным правительством и поддерживать особые контакты с правительствами отдельных регионов и полевыми командирами. По мнению некоторых аналитиков, Эфиопия вообще не заинтересована в существовании сколько–нибудь централизованного сомалийского государства как источника потенциальной угрозы [14, р. 37].

Наконец, широкомасштабное вторжение должно было в очередной раз продемонстрировать статус Эфиопии как регионального центра силы – державы играющей лидирующую роль в регионе.

Особо следует остановиться на роли США в развязывании интервенции, оценки которой наблюдателями выглядят крайне противоречивыми. Для США действия Эфиопии (их главного стратегического партнера на Африканском Роге) вполне вписывались в развернутую ими кампанию по борьбе с международным терроризмом. В контексте этой борьбы их прежде всего беспокоила возможность превращения Сомали в базу и надежное убежище для исламских экстремистов (именно там скрывались организаторы

резонансных террористических актов в Найроби и Дар-эс Саламе в 1998 г.). Но проблема была в том, что после провала американской миссии в Сомали в 1993 г. США существенно утратили здесь свое влияние, и попытки его восстановить были, по большей части, контрпродуктивны и вызвали отторжение у значительной части сомалийцев. Поэтому они оказывали лишь ограниченную поддержку ПФП, надеясь, что оно станет препятствием для усиления исламистов.

В свою очередь эфиопское руководство, стремясь укрепить партнерские отношения с США и обеспечить дальнейшее получение американской помощи, всячески подчеркивало свою роль как их важнейшего союзника в этой борьбе.

Хотя официально Вашингтон дистанцировался от действий Аддис-Абебы, подозрения в его причастности к ним появились практически сразу же. Обнародованные материалы скандально известного ресурса WikiLeaks, проливающие свет на контакты эфиопского руководства с американскими военными и гражданскими официальными лицами в период до и после начала вторжения, вызвали неоднозначные оценки у наблюдателей. Так, Р.Принц, утверждает, что в 2006 году эфиопское руководство не собиралось воевать в Сомали, но изменило точку зрения именно под давлением США. Администрация Буша, увязнув в войнах в Ираке и Афганистане, подтолкнула Эфиопию к вторжению в Сомали, надеясь на свержение власти Союза исламских судов, который в то время приобретал все больший вес в стране [15].

На тот момент авторитарный эфиопский лидер Мелес Зенави находился под давлением критики за репрессии против оппозиции в своей стране, что и было использовано в качестве рычага давления. К весне 2006 года в Конгресс США был подан законопроект о приостановлении помощи Зенави до тех пор, пока он не обеспечит соблюдение прав человека в Эфиопии. Поэтому, не желая терять поддержку США и власть в своей стране, он уступил давлению Вашингтона. Причем американское участие не ограничилось только политической составляющей, на стадии принятия решения. США взяли на себя информационное обеспечение мероприятия, а также оказали военную помощь (вооружение и подготовка эфиопской армии и согласование плана вторжения) [15]. Если подобные утверждения верны, то можно говорить, что эфиопское вторжение в Сомали в 2006 году являло собой не что иное как “войну по доверенности” (“проху war”).

В свою очередь, Д.Берхейн пытается доказать, что материалы скорее свидетельствуют об обратном, а выдвигаемые обвинения – не более чем миф, которым пользуются западные левые политики и СМИ для критики Дж.Буша и неоконсерваторов. Это особенно касается тех, кто в свое время поддержал его вторжение в Ирак, в частности CNN, а потому стремится реабилитироваться. Кроме того, этот миф поддерживают также некоторые круги в странах Персидского Залива, чтобы прикрыть свою традиционную антипатию к Эфиопии и собственную помощь экстремистам [16].

Более взвешенным выглядит мнение П.Кваранто, который считает, что эфиопская интервенция если и не

была инспирирована США, то была согласована и одобрена ими [5, р. 40]. Как бы то ни было, США оказали ограниченную военную поддержку эфиопским войскам, уже в ходе боевых действий, путем нанесения ударов с воздуха по позициям исламистов.

Последствия эфиопского вмешательства следует признать достаточно сомнительными. С одной стороны, оно привело к военному поражению и распаду СИС и временному укреплению позиций ПФП. Тем не менее, это не привело к дальнейшей стабилизации и нормализации ситуации в Сомали. Скорее наоборот, произошла заметная эскалация вооруженного конфликта, сопровождавшаяся, кроме всего прочего, и серьезными гуманитарными последствиями. На место СИС пришла еще более радикальная исламистская группировка “Аш-Шабаб”, которая повела успешную борьбу против войск Эфиопии и непопулярного ПФП. Само существование федерального правительства до сегодняшнего дня обеспечивается, преимущественно, благодаря иностранной военной поддержке (после вывода эфиопских войск в 2009 г. ее оказывает Африканский Союз в формате АМИСОМ) и в минимальной степени консенсусу различных сомалийских группировок.

Указанные выше угрозы безопасности Эфиопии, исходящие с территории Сомали, также не были полностью ликвидированы и ее войска и в дальнейшем, время от времени, совершали рейды на сомалийскую территорию. Более того, в декабре 2011 г. Эфиопия была вынуждена начать новое масштабное вторжение, на этот раз с целью оказать помощь войскам ПФП, АМИСОМ и Кении в деле окончательного разгрома “Аш-Шабаб”.

В заключении следует отметить, что выявление специфики интервенционистской активности региональных держав в сопредельных государствах, предполагает ее сравнение с подобной активностью со стороны других акторов, например, таких как государства региона и великие державы. В случае с Сомали потенциальными объектами дальнейшего исследования должны стать действия Кении, Уганды и США.

Список использованных источников

1. The Fragile States Index 2014 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://library.fundforpeace.org/library/cfsir1423-fragilestatesindex2014-06d.pdf>
2. Brown M. The Causes and Regional Dimensions of Internal Conflict / Michael E. Brown // Brown M. (ed.) The International Dimensions of Internal Conflict. – Cambridge, MA: MIT Press, 1996. – P.571–601.
3. Sabala K. Regional and extra-regional inputs in promoting (in)security in Somalia / Kizito Sabala // Roba Sharamo, Berouk Mesfin (Eds.) Regional Security in the Post-Cold War Horn of Africa. – Pretoria: Institute for Security Studies, 2011. – P.95–118.
4. Allo A.K. Ethiopia's Armed Intervention in Somalia: The Legality of Self-Defense in Response to the Threat of Terrorism / Awol K. Allo // Denver Journal of International Law and Policy – Winter, 2010. – Vol.39, №1. – P.139–167.
5. Quaranto P.J. Building states while fighting terror: contradictions in United States strategy in Somalia from 2001 to 2007 / Peter J. Quaranto. – Pretoria: Institute for Security Studies, 2008. – v, 75 p.
6. Stupart J. Jus Ad Bellum and intervention in Somalia: why a military response can still work / John Stupart // Scientia Militaria, South African Journal of Military Studies. – 2011. – Vol.39, №2. – P.76–98.
7. Paquin J. Foreign Intervention in Ethnic Conflicts / J.Paquin, S.M. Saideman. – March 10, 2008 [Electronic resource]. – Mode of

access: <http://www.humansecuritygateway.com>

8. Saideman S.M. The Ties That Divide: Ethnic Politics, Foreign Policy, and International Conflict / S.M. Saideman. – New York: Columbia University Press, 2001. – 276 p.

9. Regan P.M. Civil Wars and Foreign Powers: Outside Intervention in Intrastate Conflict / P.M. Regan. – Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2002. – 172 p.

10. Regan P.M. Interventions into Civil Wars: A Retrospective Survey with Prospective Ideas / Patrick M. Regan // Civil Wars. – December 2010. – Vol.12, №4. – P.456–476.

11. Carment D. Who Intervenes?: Ethnic Conflict and Interstate Crisis / D.Carment, P.James, Z.Taydas. – Columbus: Ohio State University Press, 2006. – 264 p.

12. Taras R.C. Understanding Ethnic Conflict: The International Dimension / R.C. Taras, R.Ganguly. – New York: Longman, 2006. – 319 p.

13. Khosla D. Third World states as intervenors in ethnic conflicts: implications for regional and international security / Deepa Khosla // Third World Quarterly. – December 1999. – Vol.20, №6. – P.1143–1156.

14. External Intervention in Somalia's civil war: security promotion and national interests? / Mikael Eriksson (Eds). – Swedish Defense Research Agency, November 2013 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://http://www.foi.se>

15. Prince R. WikiLeaks Reveals US Twisted Ethiopia's Arm to Invade Somalia / Rob Prince [Electronic resource]. – Mode of access: <http://original.antiwar.com/prince/2010/12/13/wikileaks-reveals-us-twisted-ethiopia-arm-to-invade-somalia/>

16. Berhane D. US – Ethiopia meetings on the eve of Ethiopia's Somalia intervention 2006 / Daniel Berhane [Electronic resource]. – Mode of access: <http://hornaffairs.com/en/2011/11/04/us-ethiopia-meetings-on-the-eve-of-ethiopia-somalia-intervention-2006/>

Shuliak S. V., candidate of political sciences, docent, docent of the department of philosophy, social and political sciences of the Ukrainian Academy of Customs (Ukraine, Dnepropetrovsk), shulc1976@mail.ru

A regional state as an intervenor: an Ethiopian military intervention in Somali

The specific character of regional power interference in the internal conflict of the neighboring "weak state" on the example of the Ethiopian military intervention in Somalia in 2006–2009 is analyzed. The political realism paradigm, which is dominant in international relations theory and has proved its heuristic value in the study of domestic conflicts, has been chosen as a theoretical and methodological framework of this study. An Ethiopian invasion was provoked by subversive actions of Eritrea; consolidation of power in the hands of radical Islamists who have clear intentions to annex the region in Ethiopia, which is inhabited by Somalis; declaration of a holy war against Ethiopia by the Islamic Courts Union; presence of Ethiopian rebel groups in Somalia. The consequences of the Ethiopian intervention should be acknowledged as quite doubtful. On the one hand, it led to the military defeat and disintegration of the Islamic Courts Union. Nevertheless, this did not lead to a further normalization in Somalia. On the contrary, there occurred a noticeable escalation of the armed conflict.

Keywords: regional power, Ethiopia, Somali, military intervention, security.

Шуляк С. В., кандидат політичних наук, доцент, доцент кафедри філософії та соціально-політичних дисциплін, Академія митної служби України (Україна, Дніпропетровськ), shulc1976@mail.ru

Регіональна держава як інтервент: ефіопська збройна інтервенція у Сомалі

Аналізується специфічний характер втручання регіональної держави у внутрішній конфлікт у "слабкій державі" на прикладі ефіопської збройної інтервенції у Сомалі у 2006–2009 рр. У якості теоретико-методологічної основи дослідження обрана домінуюча у теорії міжнародних відносин парадигма політичного реалізму, що довела свою евристичну цінність і у дослідженні внутрішніх конфліктів. Ефіопське вторгнення було спровоковано підіривними діями Еритреї; консолідацією влади в руках радикальних ісламістів, що прагнули анексувати населений сомалійцями регіон Ефіопії; проголошення Союзом ісламських судів священної війни Ефіопії; перебування на території Сомалі ефіопських повстанських угруповань. Наслідки ефіопського втручання слід визнати доволі сумнівними. З одного боку воно призвело до військової поразки і розпаду Союзу ісламських судів. Проте воно не призвело до подальшої нормалізації в Сомалі. Скоріше навпаки відбулася помітна ескалація збройного конфлікту.

Ключові слова: регіональна держава, Ефіопія, Сомалі, збройна інтервенція, безпека.

* * *